

не ослабѣваетъ, то начинаетъ брать преимущество, рѣшать дѣло и одерживать надъ грѣхомъ побѣды. Но если и при этомъ посмотришь внимательно: то грѣхъ все еще побораеъ челоуѣка, пока не достигнетъ онъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста (Еф. 4,13), и исполнѣ не побѣдитъ смерть. Ибо написано: послѣднѣй врагъ испразднится смерть (I. Кор. 15, 26). Такъ то люди преодолювають грѣхъ и дѣлаются его побѣдителями. А если, какъ сказали мы выше, говорить кто нибудъ: «я не блудникъ, не прелюбодѣй, не сребролюбецъ, для меня довольно сего; то въ такомъ случаѣ боролся онъ съ тремя частями, а съ другими двѣнадцатю, которыми грѣхъ также воюеъ съ душою, не боролся, напротивъ же того, побѣжденъ ими. Посему нужно бороться и подвизаться во всемъ; потому что умъ,

какъ неоднократно говорили мы, естъ борецъ, и имѣеъ равномошную силу препираться съ грѣхомъ и противиться помысламъ.

6) Если же говоришь, что противная сила кѣпче, и пороку вполне царствуетъ надъ челоуѣкомъ; то обвиняешь въ несправедливости Бога, Который осуждаеъ челоуѣчество за то, что послушалось сатаны. Выслушай же меня, наконецъ. Если юноша борется съ отрокомъ, и отрокъ побѣжденъ, и осуждають отрока за то, что онъ побѣжденъ; то великая въ этомъ несправедливость. Посему утверждаемъ, что умъ естъ борецъ, и борецъ равносильный. И борючаяся душа, взыскавъ помощи и защиты, получаетъ ихъ, и сподобляется избавленія; потому, что борьба и подвигъ возможны при равныхъ силахъ. Прославимъ Отца и Сына и Святого Духа во вѣки. Аминь.

## Русское Христіанское Студенческое Движеніе и Россія

Русское Христіанское Студенческое Движеніе замѣтно, растетъ и при томъ не только въ ширину, привлекая новыхъ членовъ и друзей, но и въ глубину, уясняя и конкретизируя свои задачи. Еще два года тому ваадъ на конференціяхъ ставился и дебатировался вопросъ о томъ, быть ли Движенію интерконфессіональнымъ, или церковнымъ. Теперь этотъ вопросъ уже не дебатруется. Онъ уже сталъ достояніемъ безвозвраткаго прошлаго. Движеніе стало опредѣленно церковнымъ, православнымъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свободнымъ отъ конфессіональной замкнутости и нетерпимости, что даеъ возможность участвовать въ немъ и тѣмъ, кто, не считая себя православнымъ, тяготеетъ къ религіозной жизни. Въ текущемъ году, на лѣтней конференціи въ Клермонѣ, въ Франціи, жизнь выдвинула переъ Движеніемъ новый вопросъ, заставила его сдѣлать еще одинъ шагъ въ

сторону углубленія своего самосознанія. Движеніе, въ лицѣ участниковъ конференціи, почувствовало потребность тѣснѣе слиться со своею Матерью-Россіей, жить вмѣстѣ съ нею однимъ идеаломъ «Святой Руси». Это чувство, горячо и глубоко вспыхнувшее въ душахъ участниковъ конференціи, явилось новымъ, драгоценнымъ достиженіемъ и въ духовномъ опытѣ Движенія. Въ памятный день Казанской иконы Божіей Матери, 8-21 Іюля, открылась какъ бы новая страница въ жизни Движенія, явилась новая задача — принести родинѣ найденное сокровище вѣры, начать вмѣстѣ съ родиной устроеніе новой, чистой и доброй жизни по ученію Евангелія и по завѣтамъ Церкви. И не случайно, кажется, произошло то, что Конференція началась 5-18 Іюля, въ день памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго, достигла своей высшей точки, своего полнаго раскрытія и въ день Ка-

заской иконы Божіей Матери, и закончилась 11-24 Іюля, въ день св. благовѣрной Кнѣгини Ольги.

Стало ясно, что жизнь требует уже не одного только книжнаго изученія Православія, не однихъ только разговоровъ, но живого дѣла, христіанской работы, христіанскаго подвига въ родной русской средѣ. Въ Движеніи все болѣе укрѣпляется сознание, что Христіанство требуетъ отъ насъ личнаго молитвеннаго нравственнаго подвига, и не можетъ состоять въ однихъ только разговорахъ о христіанствѣ. На конференціи, правда, не были еще опредѣленно намѣчены практически формы христіанскаго подвига, но не въ этомъ и состояла задача момента. Это — задача всей будущей работы Движенія, а сейчасъ дорого и радостно было охватившее всѣхъ чувство живаго ощущенія родины, чувство неутраченной на чужбинѣ духовной связи съ нею, которымъ были переполнены сердца участниковъ конференціи, и которое такъ живо и трогательно было выражено народными пѣснями семьи Кедровыхъ. И если это настроеніе можно разсматривать, какъ обнаруженіе настроенія всѣхъ членовъ Движенія, то не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что все Движеніе вступило въ новую фазу своего существованія, полнѣе и глубже поняло свою историческую задачу?

Проф. Н. А. Бердяевъ, оцѣливая моменты, сказалъ, что не одинъ только день слѣдовало бы посвятить бесѣдамъ о Россіи, а возлечь для этого особую конференцію. Можетъ быть, конференціи будущаго лѣта и будутъ посвящены этой темѣ, но намъ хотѣлось бы, чтобы и весь наступающій годъ въ жизни Движенія прошелъ бы подъ знакомъ религіозной памяти о Россіи, и чтобы этой темѣ было отведено какъ можно больше вниманія не только на конференціяхъ, но и на страницахъ нашего ежемѣсячнаго изданія. Думая, что это такъ и будетъ, мы хотимъ выказать нѣсколько соображеній, являющихся какъ бы нѣкоторымъ вступленіемъ къ темѣ о Россіи и о новыхъ, въ связи съ нею, задачахъ Движенія.

1. Любовь къ Россіи должна побудить Движеніе, прежде всего, съ особенною тщательностью отвѣтить самому себѣ на вопросъ — что же оно даетъ Россіи? Чѣмъ оно можетъ послужить ей?

Нѣтъ ничего дороже души человѣческой.

И задача Движенія, простая и ясная, состоитъ въ этомъ, чтобы, работая вмѣстѣ съ роднымъ народомъ, помочь ему сохранить въ себѣ христіанскую душу, при содѣйствіи всѣхъ благодатныхъ установленийъ Православной Церкви. Движеніе само должно горячо жить духомъ Христовымъ, и этотъ духъ возжигать кругомъ себя, пропикая имъ все, и государственную, и социальную, и семейную, и личную жизнь людей. Являясь частью православной Христовой Церкви, Движеніе должно стать какъ бы душою души Русскаго народа, должно одушевлять его на христіанскую жизнь, совершая это дѣло со смиреніемъ, вѣрою, любовью и постыянствомъ. Оно должно избѣгать опасности подмѣны религіозной христіанской дѣятельности дѣятельностью политической, социальной или иною, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не чуждаясь общественной и государственной жизни, вносить во всѣ ея проявленія свѣтъ Христовой правды, какъ это дѣлали Св. Александръ Невскій, Преп. Сергій Радонежскій, Св. Стефанъ Пермскій. Работая въ этомъ направленіи, оно будетъ продолжать своими духовнымъ влияніемъ ядръ атеистической, пропаганды поможетъ русскому народу сохранить свою православную душу, и устроитъ свою жизнь по заповѣтамъ Христова Евангелія. Въ такомъ видѣ представляется намъ путь и задачи Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія. Въ прежнее время русская молодежь, хотя и оторванная идейно отъ Христіанства и Церкви, умѣла съ горячимъ одушевленіемъ и самоотверженно отдаваться служенію своимъ идеаламъ, даже до готовности обречь себя на самыя тяжкія лишенія и смерть. Неужели теперь, придя ко Христу и къ Церкви, ставъ на тотъ идейный путь, который всегда былъ дорого русскому народу, отъ Св. Владимира до Достоевскаго, русская молодежь окажется не въ силахъ стать активнымъ, творческимъ элементомъ въ движеніи русскаго народа къ христіанскому преображенію (т. е. къ разумному очерковленію) своей жизни?

II. Какіе бы дальнѣйшіе пути ни открылись передъ Движеніемъ, оно не должно отказываться ни отъ чего добраго и хорошаго, чѣмъ оно жило до сихъ поръ, т. е. ни отъ изученія Евангелія, ни отъ уясненія сущности Православія, ни отъ какой либо другой работы въ кругахъ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, ни отъ

дружелюбного и широкого общенія и совмѣстной работы съ представителями другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Кружки должны оставаться и впродъ основною формою жизни и работы Движенія.

Это есть необходимая и незамѣнимая форма взаимнаго общенія и совмѣстной работы, а также и условие духовнаго роста каждаго отдѣльнаго члена кружка. «Перерасти» кружокъ, какъ это иногда говорятъ, нельзя. Съ духовнымъ ростомъ членовъ кружка, духовно растетъ весь кружокъ, если только члены кружка связаны общою цѣлью и общою, для всѣхъ интересною работою. Въ кружкѣ только тогда можетъ стать душою и тѣлою, когда въ немъ угасло творчество. Превращеніе кружковъ въ братства можно только привѣтствовать. Въдѣ разница между ними не по существу, а по степени взаимной духовной близости участниковъ и по единству ихъ православно-христіанскаго настроенія и мировоззрѣнія.

III. Для живой и плодотворной работы въ кружкахъ и въ Движеніи, необходимо, чтобы участники кружковъ и Движенія отчетливо сознавали идею Движенія, и жили ею, а не только говорили о ней. Надо, чтобы душа была отдава Движенію, горѣла имъ. Безъ этого будетъ не христіанское Движеніе, а только движеніе къ Христіанству. Вспомнимъ подвижниковъ Церкви, мучениковъ Христіанства, и даже многихъ простыхъ иноковъ и благоговѣйныхъ мірянъ... Они не говорили о Христіанствѣ, а творили христіанскую жизнь. Они молились, плакали, постились, боролись съ грѣхомъ, служили ближнимъ, какъ «рабы купленные», а спаяли души свои. Этого страха за душу Епископъ Феофанъ-Затворникъ считаетъ основаніемъ правильнаго духовнаго устройства. Христіанское Движеніе должно быть какъ-бы нѣкоторымъ орденомъ, не то монашескимъ, не то рыцарскимъ, посвятившимъ себя своему служенію и, если возможно, живущимъ въ бѣдности, простотѣ и самоотверженіи. Въ этомъ орденѣ не должно быть мѣста безпечности, а тѣмъ болѣе пустому тщеславію, праздымъ разговорамъ и лицемѣрію. Въ немъ должно царить страхъ за недостойное несеніе своего знамени, за невыполненіе своего долга. Эти мои слова могутъ показаться обычною моралью проповѣдника, но въ нихъ заключается

несомнѣнная жизненная правда, съ которою нельзя не считаться Движенію.

IV. Обращеніе къ Россіи и Православію не должно быть понимаемо только въ смыслѣ слѣпой приверженности къ вѣчнымъ формамъ роднаго быта, но съ другой стороны, эти вѣщныя формы не должны быть и пренебрежительно отменяемы. Сущность дѣла заключается во внутреннемъ горѣніи духа, но и вѣщныя форма, ведущая свое начало отъ великихъ отцовъ Церкви, имѣеть свое воспитательное значеніе. Мы не можемъ придумать лучшаго чина Св. Крещенія, или св. литургіи, или всего годового богослужебнаго круга, чѣмъ тотъ, который былъ выработанъ и установленъ отцами Церкви. Для того, чтобы создать и что лучше, мы должны превзойти отцовъ Церкви святою жизнью и духовною опытностью. А пока этого нѣтъ, нами остается только учиться мудрости христіанской жизни. Въ исторіи нашей родной русской православно-Церкви мы видимъ высокіе примѣры сочетанія внутренняго православно-христіанскаго горѣнія духа съ искреннимъ и любовнымъ послушаніемъ вѣщнымъ установленіямъ Церкви, не заключающимъ въ себѣ ничего ни рабскаго, ни механическаго, а также и съ широкою и благотворною общественною дѣятельностью. Таковы, напримѣръ, примѣры Св. Александра Невскаго, преп. Сергія Раднежскаго, Св. Стефана Пермскаго и другихъ. При валичій внутренняго одушевленія вѣщныя формы дѣятельности указываются сами собою обстоятельствами и нуждами жизни.

V. Наконецъ, Движенію необходимо имѣть правильное отношеніе къ Совѣтской Россіи. Это — вопросъ особенно большой и для многихъ мучительный въ настоящее время. Положеніе Церкви въ Россіи мѣняется. Между м. Сергіемъ и совѣтскою властью состоялось нѣкоторое соглашеніе, въ которомъ одни видятъ капитуляцію Государства передъ Церковью, другіе — недопустимую со стороны Церкви уступку совѣтской власти. Но если Государство предоставляетъ Церкви право легальнаго существованія, оно, естественно, можетъ требовать и требуетъ отъ нея лояльнато къ себѣ отношенія. Вопросъ только въ томъ, какъ установить предѣлы этой лояльности. Въ этомъ вопросѣ Церковь и

государство могут думать различно. Если, например, Церковь будет вести борьбу съ атеистической пропагандой государства, будетъ ли это съ ей стороны актъ лояльный или нелояльный?

Признавая обязательность лояльности для Церкви (если, конечно, она принимаетъ тѣ права, которыя ей предоставляетъ государство), нужно однако помнить, что должна существовать граница между лояльнымъ отношеніемъ къ государству и идейною съ нимъ солидарностью. Последняя возможна лишь при условіи одинаковости идеологии Церкви и государства. Между Русскою Церковью и совѣтскимъ государствомъ такой одинаковости не только не существуетъ, но существуетъ прямая противоположность атеистической, антихристіанской и матеріалистической идеологии совѣтскаго государства и христіанской, религіозной, молитвенной идеологии Церкви, какъ это и было тогда точно отмѣчено въ посланіи Соловецкихъ епископовъ. Поэтому, въ Россіи между Церковью и государствомъ могутъ существовать тѣ или иные официальныя соглашенія, но не можетъ быть никакого внут-

ренняго единства, до тѣхъ поръ, пока не измѣнится идеологія государства, пока оно не обратится ко Христу.

Только покаяніе и, конечно, покаяніе обоюдное — можетъ стать основой общаго примиренія и началомъ новой жизни въ Россіи, а пока нѣтъ покаянія, никакія попытки примиренчества, искусственной солидарности, никакіе конкордаты съ совѣтской властью не обезпечатъ православной Церкви въ Россіи ни безопасность, ни мирнаго теченія церковныхъ дѣлъ.

Движеніе должно это помнить, и не ожидать отъ свершающихся въ Россіи событий чего-либо большаго, чѣмъ то, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Передъ Движеніемъ, какъ передъ Русскою Церковью, попрежнему остается одинъ путь, — путь мужественнаго исповѣдничества своей вѣры и неустанной борьбы съ проповѣдью атеизма и антихристіанства.

Братислава.  
15-28. X. 1927.

Протоіерей  
СЕРГІЙ Четвериковъ

## Новые герои совѣтской литературы.

Артель Писателей «Кругъ» въ 1927 году въ Москвѣ выпустила повѣсть Сергѣя Заяицкаго «Баклажаны». Содержаніе, ея не сложно Москвичъ, художникъ С. А. Котеневъ попадаетъ въ Полтавскую губернію на лѣто къ своей тетушкѣ въ городѣ Баклажаны. Онъ не выдерживаетъ своеобразія жизни глухой провинціи и послѣ нѣсколькихъ романтическихъ приключеній возвращается въ Москву. Но эта нехитрая повѣсть интересна своими красочными описаніями совѣтской Полтавины. Она пріоткрываетъ на мгновеніе покровъ надъ современнымъ русскимъ бытомъ, который обычно такъ тщательно закрываетъ отъ постороннихъ взоровъ официальная коммунистической прессы. Прежде всего о самомъ героѣ. Онъ — давно знакомый намъ всѣмъ, вырождающийся русскій интеллигентъ начала 20-го вѣка, безвольный, безпринципный, чувственный. Служившій на войнѣ въ земгусарахъ, въ началѣ революціи, щеголявшій перстнемъ съ

двуглавымъ орломъ и потомъ примирившійся съ совѣтской властью послѣ полученія перваго пайка. Теперь онъ официальный художникъ, получающій гонораръ въ совѣтскихъ газетахъ. Отношеніе же его къ совѣтской власти авторъ характеризуетъ слѣдующими словами:

«Разумѣется, великое значеніе революціи — и именно (да, да), Октябрьской революціи — Степанъ Андреевичъ сознавалъ и часто высказывалъ это, особенно въ бесѣдѣ съ коммунистами, ибо былъ человѣкъ въявливый и не хотѣлъ обижать высказываніемъ подобныхъ мнѣній какихъ-нибудь старыхъ или просто стараго закала людей. Но почему то, послѣ подобныхъ бесѣдъ чувствовалъ Степанъ Андреевичъ какую-то злобу и даже физическую тошноту. Богъ знаетъ, не завалюсь ли у него на днѣ души какое-нибудь крохотное убѣжденіе, маленькій червячокъ, не околѣвшій въ свое время отъ сорнаго пшена. Хотѣлось